

ОБЗОРЫ

*Филиппов А.Ф.**

Теория систем: аутопойесис продолжается

Niklas Luhmann. Einführung in die Systemtheorie / Dirk Baecker (Hrsg.). Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 2002. 347 S.

Несколько лет назад под впечатлением от кончины Никласа Лумана, я писал: «Кажется почти невероятным, что остановился поток публикаций, что каждый новый год не принесет одну-две новые книги Лумана»¹. Что ж, не говорил ли сам Луман о невероятности существующего – в особенности, все более сложных систем коммуникаций? Невероятное происходит. За последние годы вышло несколько работ, изданных *post mortem* его учениками, в том числе значительный труд «Политика общества»², о котором мы еще надеемся написать отдельно, и «Религия общества»³. Обе эти работы очевидным образом принадлежат к тому же ряду, который был открыт в 1988 г. публикацией книги «Хозяйство общества»⁴, продолжен книгами «Наука общества», «Право общества» и «Искусство общества»⁵ и, при жизни автора, завершен монументальным трудом «Общество общества»⁶. Организация материала и предметная область каждого из исследований определяются известной идеей Лумана: общество – это наиболее обширная социальная система. Но эта система не явлена как таковая. Мы имеем дело с частными системами общества: политикой, правом, хозяйством, наукой, религией. Они не составляют общество «в сумме», оно также не является целым, которое больше, чем сумма его частей. Скорее, речь идет о том, что всякая коммуникация – это элемент общества. И от того, как она закодирована, т.е. к какого рода иным коммуникациям она может быть подсоединена, зависит отнесение ее то ли к одной из частных систем общества, то ли к одной из простых социальных систем взаимодействия между присутствующими, то ли к некоторой организации. Общество, как и любая из его систем, – не сумма и не целое. Это система, система же есть различие внутреннего и внешнего, а не тождество, «внутреннее как таковое», безотносительно к любому внешнему.

Мы видим, что с самого начала, с первой же попытки описать амбициозный проект Лумана, его оригинальная терминология и нетривиальные ходы мысли требуют существенных комментариев и разъяснений. Так его работы и построены: о какой бы частной системе общества ни шла речь, Луман уделяет значительное место изложению своей теории систем. В особенности это важно в тех случаях, когда некоторые понятия или рассуждения впервые вводятся в научный оборот. Поэтому у него нет книг, которые могли бы быть названы сугубо предметными (в отличие от общетеоретических, или, на более привычном нам, хотя и не совсем корректном жаргоне, «теоретико-методологических»). В любой из перечисленных выше работ развивается теория систем.

Однако, это не отменяет необходимости сделать самое эту теорию предметом более специального рассмотрения. Таких попыток у Лумана было несколько, и самая известная из

Филиппов Александр Фридрихович – кандидат философских наук, руководитель Центра фундаментальной социологии, декан факультета социологии МВШСЭН.

© Центр фундаментальной социологии, 2003

© Филиппов А. Ф., 2003

¹ Филиппов А. Ф. Памяти Никласа Лумана // Теория общества. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. С. 406.

² Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000.

³ Luhmann N. Die Religion der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000.

⁴ Luhmann N. Die Wirtschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1988.

⁵ Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1990; Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1993; Die Kunst der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1995.

⁶ Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1997.

них – монография «Социальные системы. Очерк общей теории»⁷. Но книга о социальных системах – это, так сказать, пролегомены к той части большого проекта «Теория общества»⁸, которая реализовалась в позднейший период творчества Лумана, так что можно было ожидать и здесь какого-то развития, тем более, – ввиду экспериментального характера всех его публикаций. Луман был в высшей степени недогматичным автором. Он постоянно искал новые ходы, отказывался от каких-то идей, если они переставали работать, напротив, мог снова обратиться к какой-то из них, даже если со стороны создавалось впечатление, что он утратил к ней интерес. Так что теория систем могла бы еще претерпеть существенные изменения. Какие именно – теперь мы уже не узнаем. Но тенденции ее дальнейшей разработки можно обнаружить не только по самым последним прижизненным и посмертным публикациям Лумана в области предметного теоретизирования, но и по недавно выпущенной работе «Введение в теорию систем». Собственно, публикаций с таким названием, по существу, две. Книга основана на лекциях, читанных Луманом в Билефельдском университете в зимний семестр 1991/92 гг. Эти лекции были записаны на магнитофон и теперь предлагаются издательством в виде коллекции записей. Но одновременно выходит книга – ученик Лумана Дирк Беккер приспособил устный язык к письменному и, таким образом, предоставил возможность читателю самому, при желании, сверяться с устным текстом или, напротив, выбирать более привычный для научной работы формат печатной публикации. Я уверен, пишет в редакторском предисловии Беккер, что Луман никогда бы не стал издавать эти лекции в форме книги. Но вряд ли он возражал бы против того, чтобы издать их как собрание рабочих материалов. Именно здесь лучше всего видна жизнь теории, именно здесь решения, принимаемые теоретиком, лучше всего видны именно как *решения* (см.: S. 9). И об этом же говорит сам Луман в завершение лекционного курса. Часто жалуются, замечает он, что теория систем так выстроена, что от нее потом никак не избавишься. Она завладевает – и не отпускает. Ею нельзя просто воспользоваться в каком-то аспекте – либо остаешься вовне, то есть полностью не принимаешь, либо целиком внутри. Вот именно поэтому, заключает Луман, я и стараюсь показать моменты *решений*, выбор, который предоставляется теоретику на разных этапах его работы. Конечно, можно сказать, что это выбор – все равно предструктурированный, что это выбор уже внутри теории. И все-таки читатель – как некогда и слушатель Лумана – получает уникальный шанс: размышляя вместе с автором, попытаться принять свои собственные решения, иначе распорядиться предлагаемыми теоретическими ресурсами – но лишь постольку, поскольку он в принципе согласен с некоторыми базовыми предпосылками теории систем, как ее представляет Луман.

Посмотрим теперь на структуру курса. Луман начинает его с исторического введения, посвящая несколько лекций, прежде всего, структурному функционализму, а также – отдельно и специально – Т. Парсонсу, концепцию которого нельзя ни правильно понять безотносительно к структурному функционализму, ни тем более в полной мере отождествить с ним. Далее он переходит к наиболее обширной части курса – общей теории систем. Вслед за тем большие разделы посвящены времени, смыслу, психическим и социальным системам, коммуникации как «самонаблюдающей операции» и, наконец, двойной контингенции, структуре и конфликту. В общем, это действительно основной набор понятий, с которым давно свыклись те, кто занимается социологией Лумана. Все дело, однако, в тонкостях трактовки, к которым, несомненно, относится и последовательность изложения. Конечно, сравнение книги о социальных системах 1984 г. с курсом лекций 1992 г. не может входить в нашу задачу. Однако отсутствие в курсе лекций таких тем, как «Индивидуальность психических систем», «Общество и интеракция», которым посвящены большие главы «Социальных систем», указывает не столько на смещение интересов автора, сколько на специфику самой темы курса. В то же время, в курсе Луман уделяет столько места анализу

⁷ Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1984.

⁸ Проектом несколько иронически (продолжительность – тридцать лет, затрат – никаких) называл свое построение теории общества сам Луман. См.: Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Op. cit. S. 11.

социологии Парсонса, сколько не уделял, кажется, ни в одной из своих книг (хотя в разное время в нескольких статьях он весьма подробно рассматривал ряд важных аспектов его творчества). Может быть, именно с оценки социологии Парсонса Луманом, которая дана во второй лекции, нам удобно начать ту часть нашей рецензии, которая посвящена собственно содержанию его курса.

Луман всегда утверждал, что социология Парсонса – это высшее теоретическое достижение в социологии XX в., которое по ряду причин осталось недооцененным. Среди этих причин важную роль сыграли сугубо идеологические – критика Парсонса и, шире, всего структурного функционализма, с которым его взгляды часто совершенно неправомерно отождествляли. Останавливаться на этом нет резона. Гораздо интереснее то, что Парсонс, по мнению Лумана, сталкивается в своей теории с проблемами, которые порождены самим способом конструирования теории. При этом, с одной стороны, обнаруживается способность теоретика на пути преодоления этих трудностей открывать новые пути познания, а с другой стороны, как пишет Луман, – «известная герметичность понятия теории». Луман имеет в виду знаменитую схему четырех функций, которые должны быть исполнены системой любого типа и любого уровня. «Понятия определяются лишь внутри этой схемы четырех функций. Необходимость заполнять ее клетки руководит теоретическими решениями. И тогда уже все меньше смысла в том, чтобы раздумывать, как соотносится парсонсовское понятие культуры с таким же понятием в культурной антропологии или проблемами герменевтики а ля Гадамер и т.д. Сопоставления теорий становятся тем сложнее, чем больше на передний план выходит специфический образец теории» (S. 37). Плохо интегрированы между собой у Парсонса и три аспекта межсистемных отношений, о которых он особенно много писал в поздний период творчества. Одной лишь дифференциацией по четырем функциям нельзя было ограничиться, поскольку системы не только выполняют функции, но и реагируют на окружающий мир, получают результаты деятельности других систем и создают что-то для них. Парсонс говорил о кибернетическом контроле (информационном – сверху вниз, и энергетическом – снизу вверх), о взаимопроникновении систем и о средствах коммуникации и обмена между системами. Но при попытке связать это со схемой четырех функций он получал очень сложные и далеко не всегда приемлемые решения, когда для какой-то позиции, которая напрашивалась в силу логики теории, предлагались далеко не очевидные интерпретации в области социального мира. Здесь Парсонс, говорит Луман, все дальше отходит от принятого в научном сообществе словоупотребления, все больше вынужден реагировать на проблемы самой теории, а не реальные социальные проблемы (см.: S. 39). В свою очередь, ученики Парсонса оказались вынужденными сосредоточиваться не на больших принципиальных вопросах, а на темах малого формата, посвящая свои усилия отдельным клеточкам большой схемы. Это сильно сократило круг его последователей и сильно мешало им в работе (см.: S. 40).

Очевидно, что Луман не случайно столь подробно останавливается на глубоких причинах неудач теоретического проекта Парсонса. Рассуждая от противного, можно сказать, что теория, превосходящая парсонсовскую, должна сохранить все ее достижения, но при этом избежать отмеченных недостатков. Это значит, что она также должна исходить из необходимости построения системы абстрактного знания о социальном, но при этом не быть герметичной, не предлагать чуть ли не автоматически действующий механизм производства теоретического знания. Эта теория должна быть, так сказать, не слишком экзотичной, привычные понятия социологического вокабулярия не должны перетолковываться в ней диковинным образом. Соответствует ли теория самого Лумана этим критериям? На этот вопрос не может быть однозначного ответа. Луман, безусловно, принадлежит к числу на редкость начитанных авторов. Он, подобно Парсонсу, чувствителен к импульсам, которые исходят не только от социологии, но и от других дисциплин. Вместе с тем, он реагирует на состояние социологии, ее проблемы, ее уровень дискуссии. Но становится ли он от этого менее экзотическим автором?

Основная часть лекционного курса начинается, как мы уже упомянули, с раздела, посвященного общей теории систем. Луман рассказывает о появлении теории открытых систем, затем переходит к специфическим особенностям модели Input/Output (когда система рассматривается как «черный ящик», исследование которого ограничивается тем, что «на входе» и тем, что «на выходе»). Он также показывает, что социология не может просто усвоить себе эту терминологию общей теории систем. Точно так же невозможно и простое перенесение кибернетической модели управления из теории систем в теорию действия, что происходит ныне сплошь и рядом «в политологических кругах» (S. 55). Дело в том, утверждает Луман, что из потребности в управлении (т.е. снижении некоего различия между реальным и желательным состоянием) сделали заключение о его возможности, хотя это различие, быть может, система контролировать не в состоянии, поскольку вызвано оно какими-то внешними воздействиями. Свои ограничения есть и у других кибернетических моделей. И ограничения эти, которые нельзя устранить ни математическими формулами, ни техническими ухищрениями, связаны с тем, что все эти модели не давали ответа на главный вопрос: «Что есть система, способная делать то, что делает? Что лежит в основе?». Ответу на этот вопрос и посвящены последующие лекции.

Самой важной и самой абстрактной из них называет Луман четвертую лекцию «Система как различие (Анализ формы)». Ключевое положение теории систем состоит в том, что система – это «различие между системой и окружающим миром». То, что слово система появляется здесь два раза, – не случайно. Это с самого начала указывает на то, что ни различие без указания то, различие чего, ни идентификация без указания различия невозможны. Луман мобилизует здесь достаточно обширные ресурсы, чтобы показать, в какую именно традицию размышлений вписываются его построения. Здесь мы находим и лингвистику Фердинанда де Соссюра, и социологию Габриэля Тарда, и даже столь неожиданный в данном контексте источник, как «Насилие и священное» Рене Жиран. Однако, главный источник здесь, конечно, «логика исчисления форм» Джорджа Спенсера Брауна. Как и в прочих своих работах последнего времени по теории систем, Луман берет отсюда немного: первоначальное указание «Проведи различие!», парадоксальный характер единства различения и обозначения, повторение операции различения внутри самого различенного (знаменитое *re-entry*, «повторное вхождение» у Спенсера Брауна). Значение этой логики для теории систем излагается в четырех пунктах: 1. «Система – это форма с двумя сторонами». 2. Система образуется как последовательность однородных операций: «Различие системы и окружающего мира возникает лишь из того факта, что операция производит дальнейшую операцию того же типа» (S. 77). 3. «Система вновь вступает в себя самое или копирует себя в себя» (S. 82). Так, например, коммуникация может отсылать к некоторой информации, т.е. к тому, что случилось вне коммуникации. Но сама информация – это то, что определяется в коммуникации как информация (все остальное – не информация, не обозначается как информация). Коммуникация подсоединяется только к коммуникации, то есть коммуникация ссылается на коммуникацию (самореференция системы коммуникаций), а то, что не есть коммуникация (инореференция системы коммуникаций), определяется в коммуникации (различие системы и окружающего мира скопировано в систему). 4. Таким образом, здесь обнаруживается парадокс, «об одном и том же речь идет два раза. Различение вступает в различенное им. ... Есть это различение теперь то же, чем оно было прежде? Есть ли еще тут то, что, было прежде? Или первое различение исчезает и становится вторым? Ответ состоит в том, что здесь можно предполагать наличие парадокса, то есть что различение, которое снова вступает в себя, есть то же самое и не то же самое одновременно и что в этом-то и состоит вся хитрость теории» (S. 88). Парадокс разрешается в данном случае благодаря тому, что наблюдатель может различать, относится ли его различение к системе и окружающему миру или к различению внутри самой системы. «Наблюдатель может выступить дважды: как посторонний наблюдатель, который видит, что иная система наблюдает себя самое или самонаблюдатель, как тот, кто наблюдает самого себя, соотносится с самим собой, говорит нечто о самом себе» (S. 88). Вот это соотнесение с

самим собой – то есть зацепление одной операции за другую однородную операцию и называется «оперативной замкнутостью». Этому посвящена пятая лекция. Именно здесь Луман вводит понятие самоорганизации и – давно уже ожидаемое теми, кто знаком с его теорией, – понятие аутопойесиса.

Структуры, говорит Луман, суть ожидания относительно возможности присоединения операций, причем «ожидания» понимаются здесь отнюдь не субъективистски, но как способ «редукции комплексности» (система не принимает решение по поводу каждой ситуации отдельно – она структурирована, т.е. совершает ожидаемые действия; при этом структура не одна, так что она не ограничена в репертуаре операций) (см.: S. 102-104). В свою очередь структуры могут быть построены только посредством операций системы – в этом смысле говорится о самоорганизации. Но то же самое следует сказать и о самих операциях. Операции системы могут быть произведены лишь в самой системе – об этом и говорит знаменитое понятие аутопойесиса, введенное Умберто Матураной и подхваченное Франсиско Варелой. Во всех своих публикациях, где толкуется это понятие, Луман подчеркивает важность их вклада. Но, кажется, только на лекциях он высказывается на эту тему несколько более подробно. Он говорит здесь о том, что работы Матураны и Варелы подвергались критике биологами, которые не могли понять, что нового вносит понятие аутопойесиса дополнительно к уже имеющимся познаниям о функционировании живого. Хотя это понятие и облегчает понимание того, что такое оперативная замкнутость, и облегчает поиски ответа на вопрос о том, в чем разница между производством и каузальностью, говорит Луман, однако то, что изобрели это понятие именно биологи и нейробиологи, – это, скорее, случайность, и отсюда совсем не следует, что применение его в других областях должно происходить по аналогии в строго техническом смысле. Матурана, рассказывает Луман, долго спорил со мной, убеждал, что коммуникацию можно рассматривать как элемент социальной системы, только если удастся показать невозможность отдельной коммуникации, не связанной с прочими. Но как раз это, по мнению Лумана, далеко не сложно, в особенности если вспомнить о лингвистической традиции – хотя бы того же де Соссюра. Дело просто в том, что Матурана не мог принять исключение из социальной системы живого человека, что было неизбежным следствием такого понимания коммуникации. Напротив, социологи, которые протестовали против применения этого понятия, утверждали, что это новое использование биологических метафор в социологии. Луман согласен: в известном смысле, все основные понятия социологии метафоричны. На самом деле, проблема совсем в другом. Понятие аутопойесиса и недооценивают (не понимают его радикальности, не видят, что здесь происходит решительный разрыв с традицией онтологической теории познания), и переоценивают (не видят, что его объяснительная ценность, особенно в социологическом контексте), ничтожна. Это исходный пункт для объяснений, но не само объяснение. Аутопойесис нацеливает нас на «что?» – вопросы: Что есть жизнь? Что есть социальное? – Это не те вопросы, которыми обычно занимается наука. Они имеют значение для обоснования знания, но не для познания как такового.

Каково же отношение между системой и окружающим миром? Матурана назвал его «структурной сопряженностью» («structural coupling», по-немецки это передается как «strukturelle Kopplung»), которая, так сказать, «перпендикулярна» аутопойесису, то есть определенная привязка к окружающему миру не мешает аутопойесису. Благодаря структурной сопряженности, которую Луман обсуждает в седьмой лекции, системы могут существовать в окружающем мире, потому что далеко не все события, которые в нем происходят, имеют для нее значение. Так, зрение редуцирует множество того, что вообще могло бы быть видимо, до очень узкого диапазона. И таков же слух. А в области социального язык «многое исключает, чтобы включить немного, и потому сам становится сложен» (S. 123), «общество лишь посредством сознания сопрягается с окружающим миром, а потому нет никаких физических, химических и даже чисто биологических воздействий на

общественную коммуникацию. Все должно быть проведено через игольное ушко коммуникации» (S. 123).

В седьмой лекции речь идет о наблюдении, и, прежде всего, важнейшем для Лумана различии между наблюдением первого и второго порядка. Ведь до сих пор все описания были построены на том, что мы действительно описываем то, как это есть в действительности. Теперь пришла пора указать не просто на возможность иных различий, но и на то весьма тонкое обстоятельство, что наблюдение второго порядка (наблюдение наблюдателя) есть одновременно и наблюдение первого порядка, так как наблюдаемый наблюдатель есть также и объект наблюдения, и дело лишь в том, принимаем ли мы в расчет те различия, которые проводит он сам. Однако более важным для социологов является заход, так сказать, с противоположной стороны: «Если речь идет о самонаблюдении, то наблюдатель – это система, которая себя наблюдает. Тогда он в системе. Он либо есть система... либо же, однако, он есть в окружающем мире. Соответственно, у нас имеется различие самонаблюдения и инонаблюдения. Система может быть наблюдаема со стороны окружающего мира... или это есть самое себя наблюдающая система» (S. 150-151). Для социологов это важно, потому они должны представлять себе, что означают их наблюдения: наблюдают ли они систему извне или участвуют в коммуникациях самонаблюдения некоторой системы. Возможно также представить себе и колебательные движения: от инонаблюдения к самонаблюдению и обратно (т.е. наблюдатель использует то одно различие, то другое), что снова ставит перед нами проблему повторного вхождения различия в систему.

Раздел об общей теории систем завершают лекции о комплексности и рациональности. Что касается комплексности, то, кажется, только в этих лекциях Луман ставит вопрос, который буквально напрашивается у всех, кто знаком с более ранней версией его социологии, опознавательным знаком которой стала формула «редукция комплексности», а именно, вопрос о том, как соотносится эта магистральная идея сложности, или комплексности, с которой приходится справляться системе, с концепцией аутопойесиса и оперативной замкнутости систем. Несмотря на то, что Луман и здесь включает комплексность в число своих основных тем и понятий, его рассуждения все-таки сводятся скорее к тому, что прежнего ключевого значения это понятие больше не имеет. Меняется парадигма, говорит Луман, меняется язык, важным становится то, что наблюдатель описывает систему как сложную, в ней что-то происходит, когда наблюдают, как система наблюдает... и т.д. Проблеме рациональности Луман посвятил в свое время немало трудов, и еще в 1968 г. вышла его книга «Понятие цели и рациональность системы»⁹. К этой же формуле он прибегает и здесь, тоже, правда, перетолковывая ее в терминах новой теории систем: «О рациональности системы я хотел бы говорить в той мере, в какой аспекты окружающего мира могут быть учтены в системе» (S. 190). Но ведь мы говорим об оперативной замкнутости, о безразличии по отношению к окружающему миру! Значит, здесь предполагается в некотором роде попятное движение: к чувствительности системы, к готовности откликаться на раздражения извне. Функционально дифференцированные системы, специфически ориентированные на раздражения определенного рода, в этом смысле более рациональны (например, политика, исследующая вопрос с той точки зрения, является ли он политическим, или система права и т.д.). На этом изложение общей теории систем завершается.

В девятой лекции Луман говорит о времени. Это также одна из тем, которая почти постоянно находилась в центре его внимания и, кажется, его концепция не претерпевает в лекционном курсе никаких драматических изменений. Луман по-прежнему говорит о том, что все происходящее совершается одновременно, что прошлое и будущее – это различия, проводимые с точки зрения настоящего, но что при этом настоящее как таковое идентифицируется некоторым образом, предполагающим все-таки его большую или

⁹ Luhmann N. Zweckbegriff und Systemrationalität. 1968. Neudruck Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1973.

меньшую продолжительность. И вот эта продолжительность настоящего все уменьшается, так что проблемы планирования, расчета времени и различного течения времени в разных системах только обостряются. Все это, судя по всему, и глубже, и точнее было прослежено Луманом в других работах того же времени, например, посвященных социологии риска¹⁰.

Вслед за понятием времени рассматривается понятие смысла. Особых неожиданностей нет и здесь. Луман, как и прежде, обращает внимание на то, что смысл не может пониматься ни в духе философии сознания, ни даже как интерсубъективный феномен, поскольку это так или иначе привязывает его к специфическому носителю. Эту категорию следует применять к двум различным типам систем: «психическим системам, системам сознания, которые осмысленно переживают, и социальным системам, системам коммуникации, которые воспроизводят смысл благодаря тому, что он используется в коммуникации» (S. 225). Любопытно в этой лекции то, что здесь, пожалуй, мы находим один из ранних (хотя и не самый ранний) в его творчестве опыт введения в оборот различения среды и формы, с которым он затем работал весьма интенсивно. Само это различие появляется в 1926 г. у немецкого психолога Фрица Хайдера. «Идея "среды" состоит в том, что имеется область рыхлых сопряжений массово наличествующих элементов: частицы воздуха, физические носители света – "свет" не есть физическое понятие, но понятие среды, в которой мы нечто видим. ... То есть явно есть различие между невидимой средой и зримой "формой", как я бы теперь сказал, или гештальтом» (S. 226). Здесь получается, что «есть масса элементов, которые не обязаны своим статусом элементу определенному сопряжению, но предоставляют материал, из которого могут образовываться сопряжения» (S. 227). Хайдер говорил о среде и вещи, но Луман вместо вещи говорит о форме, чтобы включить в рассмотрение язык. «Есть множество слов, и есть определенные правила комбинаций. Можно образовывать предложения, и предложения суть формы в среде языка, тогда как слова, в свою очередь, суть форма в среде возможных шумов или возможного оптического дизайна» (S. 227). Очевидно, что такая концепция и была необходима Луману, и представляла существенную опасность для его теории систем. Она была необходима, потому что уже понятие структурного сопряжения оказалось, в общем, не очень ясным. Это, кстати говоря, можно было заметить еще раньше, когда он работал с понятием комплексности как основной категорией. Тогда объяснения Лумана относительно характера комплексности сводились, в общем, к тому, что есть, дескать, множество элементов, и когда не все сопрягается со всем, образуются системы, и область «внутри», система, отграничивается от области «вне», мира. Но уже тогда получалось как-то странно: в мире и в системе оказывались одни и те же элементы, что позволяло, между прочим, делать онтологические высказывания о природе мира, чего Луман отнюдь не желал. Теперь понятие аутопойесиса должно было внушить нам, что элемент есть элемент именно в системе. Луман мог сколь угодно подробно рассуждать о том, что пойесис не тождествен каузальности, что элементы не создаются, но обретают особый характер в системе, однако все это не меняло того важного обстоятельства, что только в системе появлялось то, что можно было назвать ее элементом. Однако этому – о чем Луман в лекциях не говорит и что, в общем, было бы далеко не новостью для всех, кто размышлял о природе границы, – противоречит хотя бы то, что граница системы принадлежит настолько же ей, насколько и окружающему миру. Только благодаря тому, что на самом деле различие системы и окружающего мира не стоит преувеличивать, возможно структурное сопряжение. Коммуникации в отдельных системах общества происходят по-разному, но все-таки все они – коммуникации. Осмысленной может быть и психическая жизнь разных, замкнутых в своем аутопойесисе сознаний, и процесс коммуникации в разных системах. Вот почему смысл, как и комплексность, рискованное понятие, говорит Луман: его невозможно отрицать, противоположного ему понятия нет, любая бессмыслица возможна лишь в качестве смысла. Таким образом, вместо суперсистемы, объемлющей собой все: и всякого рода коммуникации, и все сознания,

¹⁰ См.: Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin: De Gruyter, 1991. См. также русский перевод первой главы этой книги в альманахе THESIS, № 5. 1994 г.

появляется суперсреда смысла, в которой возможна дальнейшая спецификация элементов (мысли или коммуникации) и образование разных систем большей или меньшей сложности. То, что элемент на самом деле конституируется не системой, что может быть внутреннее без внешнего, что элемент и форма не взаимосвязаны, – это очень серьезный корректив ко всей теоретической конструкции – а может быть, и серьезная нагрузка на нее, напряжения которой при последовательном развитии эта конструкция могла бы и не выдержать. Во всяком случае, в лекционном курсе Луман ясно дает понять своим слушателям, что работа с этим ресурсом носит экспериментальный характер. В позднейших сочинениях он уже не акцентирует то обстоятельство, что различные ресурсы, к которым он прибегает (в лекции сразу после обращения к Хайдеру следует обращение к Гуссерлю), могут быть плохо совместимы друг с другом. Именно в лекциях Луман ставит вопрос, поначалу вообще не очень хорошо вписывающийся в его концептуальные схемы.

Любопытно посмотреть, как это происходит. Лекция о смысле завершается, но лектор заявляет: я бы хотел попросить у Вас еще несколько минут, пока лента в магнитофоне еще не кончилась. Мы зафиксировали важные особенности смысла: его универсальность, невозможность его отрицать, его принудительный характер (то есть необходимость совершать операции в среде смысла)... Но что если поставить теперь вопрос более узко, а именно, как вопрос о том, «какой смысл является "осмысленным"» (S. 245)? Это вопрос о совместимости, связности систем описаний и самоописаний. «Мы можем описать, что есть смысл университета, а затем очень быстро обнаружить, что многое из того, что происходит в университете, бессмысленно, то есть в этом смысле не подходит к самоописаниям университета» (S. 245-46). Это значит, продолжает Луман, что чем больше мы должны говорить о «подлинном смысле», будь то смысл нашей жизни или каких-то социальных институтов, тем больше будет жалоб на утрату смысла, на бессмыслицу. Это ставит нас перед вопросом о соотношении психических и социальных систем.

Иначе говоря, те, кто «купился» на казалось бы неожиданно человеческую интонацию теории систем, могут быть разочарованы: рассуждение не выходит из ее русла. В следующей, одиннадцатой лекции Луман говорит о действии и мотивации. Социологу-эмпирику трудно отказаться от концепции действия, ведь, о чем бы он ни спрашивал респондентов, сама ситуация вопросов и ответов уже предполагает действия (т.е. и вопрос, и ответ – уже действия). Рената Майнц, очень известный в свое время социолог-прикладник (Луман работал вместе с ней в комиссии по реформе государственной службы), когда-то сказала, что если теория систем абстрагируется от действия, то будет похожа на «даму без нижней части туловища». Цитируя это замечание, Луман добавляет: все еще хуже, у дамы нет и верхней части туловища, у нее вообще нет туловища, туловище не входит в социальные системы. Человек – это не часть, он находится в окружающем мире систем, что отнюдь не означает пренебрежения человеком или его недооценки. Напротив, принимая во внимания нашу критическую установку по отношению к обществу, это более приятная позиция. «Сам бы я во всяком случае лучше чувствовал себя в окружающем мире, чем в обществе, где другие люди думали бы мои мысли и приводили бы в движение другие биологические или химические реакции моего тела, на которые у меня совсем другие планы. То есть различие системы и окружающего мира предоставляет также возможность мыслить радикальный индивидуализм в окружающем мире системы...» (S. 256-57). Между психическими и социальными системами, благодаря принятому нами теоретическому решению, разверзается пропасть, говорит Луман. Ее необходимо, так сказать, не зарыть, но перекрыть, установить род связи индивида и социальной системы. Здесь используется уже введенное выше понятие структурной сопряженности, которое, как мимоходом замечает Луман, тоже есть форма, то что-то включает, а что-то исключает. Почему эта форма не есть система, мы никогда не узнаем, как никогда не узнаем, почему системой не становится среда формы. Таково теоретическое решение! Так вот, в рассматриваемом случае «решающий тезис состоит в том, что социальные системы сопряжены с сознанием и ничем иным, что коммуникация может быть полностью независимой от того, что происходит в мире, как

образуются атомы и молекулы, какие дуют ветра и бури хлещут море, или как выглядят буквы, или как шумы принимают форму слов. Все это не играет роли, кроме того, что опосредовано сознанием. А сознание, конечно, есть то, что способно воспринимать» (S. 270-71). А реализуется это структурное сопряжение посредством языка – еще один новый ход для концепции Лумана. Язык приковывает внимание, говорит Луман, он «зачаровывает», не дает заниматься другими вещами. Вместе с тем, язык неизбежен для переноса или фиксации смысла в коммуникации. Но сам язык – не система, у него нет собственного способа оперирования (кроме коммуникации – но это элемент социальной системы; и кроме мышления в языке – но это элемент системы сознания). Использование языка – это не действие. «Отличие теории коммуникации, во всяком случае, такой, какой она представляется мне, и теорией речевых актов или теорией коммуникативного действия заключается в вопросе, включают ли понимание в единство коммуникации или нет. Если коммуникацию понимают как действие, то есть лишь сообщение... считают коммуникацией, тогда понимание остается вовне, а в теории приходится предпринимать меры по корректировке» (S. 280). Получатель сообщения изначально исключен, а говорящий должен предпринимать предвосхищающие усилия для достижения понимания. Он должен размышлять, рационально калькулировать, принимать в расчет нормы. Так получается, когда мы следуем за Хабермасом. Другое теоретическое решение состоит в том, чтобы с самого начала включить понимание, уже самое элементарное единство системы. Теория при этом получается совершенно другая – разгруженная от рациональности и норм (см. S. 281). Коммуникация – это самостоятельный процесс, говорит Луман уже в следующей лекции. Конечно, сообщение может натолкнуться на непонимание и неприятие. И тогда достаточно интересно исследовать именно то, как это получается, что все-таки понимание и принятие перевешивает, коммуникация цепляется за коммуникацию и появляется система коммуникаций. Она появляется в ситуации *двойной контингенции*, о которой Луман имел обыкновение прежде говорить в начале изложения и к которой обращается теперь лишь в последней лекции. Здесь же Луман рассматривает проблематику структуры и конфликта, то есть более прикладных, если можно так сказать, тем, для изложения которых Луман привлекает также и материалы эмпирических исследований.

В целом книга производит любопытное впечатление. Она показывает, что концепция Лумана в значительной степени все еще остается неиспользованным ресурсом. Далекое не все проблемы, на которые Луман указывает в своем изложении, удалось разрешить ему самому или его последователям. Однако, теория систем обладает действительно большой способностью подсоединения. К ней можно подсоединиться и работать дальше. Как это происходит, мы покажем в следующей части нашего обзора.